

18+

СЕГА САШИН

ПЕПЕЛ КАМЧАТКИ

КОГДА ЗЕМЛЯ ДЫШИТ,
НЕТ ВРЕМЕНИ
НА ОШИБКИ

ИНОГДА ЕДИНСТВЕННЫЙ
СПОСОБ СПАСТИ ДРУГИХ –
ОСТАТЬСЯ СОБОЙ

18+

Сева Сашин
Пепел Камчатки.
**Катастрофический триллер/
Психологическая драма**

<https://litres.ru/74218608>

ISBN 9785007035781

Аннотация

Глеб Соболев, вулканолог и бывший сапёр, получает со дна Авачинского залива инфразвуковой сигнал 0,003 Гц — такой же был перед взрывом Кракатау. Пока чиновники тянут с эвакуацией, его дочь Алиса остаётся в лагере у подножия вулкана. Цунами идёт через считанные часы. Глебу предстоит пересечь умирающий город, штольни, пепел и собственную память, чтобы спасти ребёнка. Но главная угроза не вода. Главная угроза — те, кто знал о катастрофе и молчал.

Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

18+	5
ПРОЛОГ. ЗА 60 ЧАСОВ ДО НУЛЕВОЙ ВОЛНЫ	6
Глава 1. Инфразвук. 0,003 Гц	7
Глава 2. Три дня назад	14
Глава 3. Петрович. Данные со спутников	18
Глава 4. Приказ	20
Глава 5. Скважина «Меркурий-1». Причина	24
Глава 6. Бар «Рыбацкий сход»	26
Глава 7. Старик из штольни	28
АКТ I. ПРЕДВКУСИЕ	31
Глава 8. Накануне. То, что дети помнят	32
Глава 9. Лагерь «Вулкан». Алиса	37
Конец ознакомительного фрагмента.	41

**Пепел Камчатки
Катастрофический
триллер/
Психологическая драма**

Сега Сашин

Дизайнер обложки Сергей Юрьевич Гурьянов

© Сега Сашин, 2026

© Сергей Юрьевич Гурьянов, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0070-3578-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

18+

Все персонажи, организации, секретные объекты, документы и события в этой книге являются художественным вымыслом.

Реальные географические названия, исторические детали и узнаваемые элементы среды использованы как часть художественного пространства. Любые совпадения с реальными людьми, должностями, учреждениями, проектами или происшествиями случайны.

Книга не является документальным расследованием, научным прогнозом или описанием реальных решений государственных структур.

ПРОЛОГ. ЗА 60 ЧАСОВ ДО НУЛЕВОЙ ВОЛНЫ

Позже журналисты назовут это Нулевой волной.

Не первой водой, не самым высоким валом и даже не главным толчком, а той невидимой границей, после которой все старые объяснения перестали работать. До неё у людей ещё были планы: рейсы, смены, лагерные линейки, семейные обиды, чужие долги, недосказанные «прости». После неё остались только те, кто успел сделать шаг, и те, кто не успел.

Счёт в этой истории ведётся не до извержения и не до цунами. Счёт ведётся до момента, когда Камчатка перестала притворяться землёй под ногами.

Глава 1. Инфразвук. 0,003 Гц

Подушка воняла керосином.

Не той отдушкой, которой пахнут дешёвые стиральные порошки, а настоящим, авиационным — тем самым, который пропитал пальцы Глеба Соболева два дня назад, когда он менял прокладку в топливной системе «КамАЗа». Запах въелся в ткань, в волосы, в кожу. Даже сквозь сон он чувствовал его — и не просыпался, потому что привык. Керосин для вулканолога всё равно что для плотника запах сосны.

Он лежал на раскладушке в кабинете №47 камчатского Института вулканологии и сейсмологии. На журнальном столике громоздились пустые банки из-под энергетиков — яркие, липкие, все одинаково бесполезные. Пепельница была забита окурками до краёв. Хотя он бросил курить пять лет назад — вчерашняя ночь оказалась сильнее. Пальцы всё равно тянулись к пачке, когда становилось по-настоящему страшно. А вчера было страшно.

На стене, приколотая канцелярской кнопкой, висела фотография девочки с косичками. Ей там было шесть. Сейчас одиннадцать. Он её почти не снимал. Стыдно. Но и выбросить не мог. Фотография была единственным, что напоминало: он не просто набор рефлексов и боевых привычек. Он чей-то отец.

За стеной спал его начальник — профессор Юрий Миха-

лыч Трофимов. Семьдесят два года, инфаркт в сорок пять, второе дыхание в шестьдесят. Человек, который мог заснуть под артобстрелом — потому что спал под ним в Афгане, в семьдесят девятом, когда молодые ещё думали, что смерть ходит по расписанию. Старая школа: не выспаться нельзя, потому что завтра может не наступить.

Над головой, на третьем этаже, тусили лаборантки. Их голоса доносились сквозь бетонные перекрытия приглушённо, как из аквариума. Понедельник, день тяжёлый — можно отметить средой. Глеб не осуждал. У них завтра может не быть среды.

Он сел, потёр лицо. Левое плечо ныло — вчерашняя драка в баре оставила глубокий порез. Он перевязал его сам, полевому, взяв бинты из аптечки «КамАЗа». Кровь пропитала марлю, присохла к коже, и теперь каждое движение отдирало запёкшуюся корку. Правую руку он щадил. Два пальца были сломаны. Мизинец и безымянный. Он сам их вправил — резким движением, как учили в Чечне, — зафиксировал лейкопластырем и запил водкой. Больше ничего не надо.

Он поднял руку, посмотрел на пальцы. Безымянный распух, посинел. Мизинец висел под странным углом — не тем, каким должен висеть палец. Кожа на костяшках была содрана. Наверное, ударил по чьим-то зубам. Или по стене. Он не помнил. Помнил только хруст. Острую боль.

Флэшбек пришёл без спроса. Как всегда.

Чечня. 2000 год. Грозный. Февраль. Не бой, не атака, не

красивое кино про героев — подвал школы, где вода капала с труб на каски и каждые пять минут гас свет.

Глебу было двадцать три. На схеме, зажатой в мокрой планшетке, было два коридора. Один вёл к лестнице, где застреляли раненые и связисты. Второй — к завалу, за которым сидел Громов. Живой. Пьяно спокойный, как всегда, когда всем остальным хотелось орать.

Рация шипела у Глеба на груди.

«Соболев, не тупи. Заряд ставь на первый проход».

— Там тебя завалит.

«Меня уже завалило. Я просто пока разговариваю».

Глеб помнил не кровь. Крови тогда почти не было видно. Помнил карандаш, который катался по мокрому бетону туда-сюда, пока он считал массу заряда. Помнил детскую варежку под батареей — красную, с пришитой белой пуговицей. Помнил, как командир сверху орал, что если проход не открыть сейчас, сгорит вся группа.

Правильное решение заняло у него девять секунд.

Он поставил заряд на несущую трещину, отвёл провод, лёг за угол и нажал кнопку.

Стена раскрылась. Раненых вытащили. Связистов вытащили. Командир потом сказал: «Сработал грамотно». В отчёте написали: «Потери минимизированы».

Громов больше не вышел на связь.

Через сутки, когда завал разобрали, нашли не его целиком, а жетон, кусок рукава и ту самую красную варежку, вби-

тую взрывной волной в бетон, как гвоздь.

С тех пор Глеб ненавидел не ошибки. Ошибки хотя бы можно было проклинать. Он ненавидел правильные решения, после которых всё равно кто-то не возвращался.

Видение оборвалось так резко, будто кто-то выключил звук.

Глеб тряхнул головой, прогоняя видение. Взглянул на монитор.

Лучше бы он этого не делал.

Датчики на дне Авачинского залива — те самые, которые он сам поставил два года назад на старый японский грант, опускаясь на дно в акваланге при минусовой температуре, — передавали инфразвук. 0,003 герца.

Он смотрел на цифру минуту. Потом другую. Потом открыл архив на жёстком диске, который гудел так, будто вот-вот развалится. Вентилятор в системном блоке завывал на одной ноте — как комар над ухом.

Такой спектральный хвост Глеб видел только в одном архиве: в реконструкции барограмм 1883 года, после взрыва Кракатау в проливе Зонд.

Не совпадение один к одному — хуже. Похожий почерк большой системы, которая уже начала ломаться.

Сейсмолог в Глебе сказал: «Ошибка датчика. Калибровка слетела. Иди спать».

Вулканолог сказал: «Проверь ещё раз».

Боец инженерных войск сказал: «Сваливай. Сейчас. Бери

документы и нахер отсюда».

Глеб встал. Прошёл босиком по холодному линолеуму к пульту. Линолеум был старый, советский, с пузырями, которые хлопали под пятками, как маленькие петарды. Он нажал кнопку перезапроса.

Через тридцать секунд пришёл ответ.

Пик сместился: 0,0035 герца.

Рост. Не шум. Не гниющий датчик. Процесс.

Телефон завибрировал. На экране высветилось: «Катя». Бывшая жена. Сбросил. Через секунду — голосовое сообщение. Он нажал «воспроизведение» — хотя знал, что будет жалеть.

«Глеб, привет. Алиса спрашивает, когда ты приедешь. Я не знаю, что ей ответить. Ты обещал в прошлом месяце. И в позапрошлом. Не будь мудаком. Пожалуйста. Просто приедь, когда всё это закончится. Она тебя любит. И я... ладно, проехали».

Она не договорила. В конце сообщения была пауза — три секунды тишины, потом вздох и отбой.

Глеб удалил сообщение, не дослушав до конца. Потом передумал — пошёл в архив, восстановил. Переслушал два раза. Убрал телефон в карман.

Он подошёл к раскладушке, где спал профессор. Потряс за плечо. Плечо было худым, с острыми ключицами, которые можно было пересчитать.

— Юрий Михалыч. Проснитесь.

Трофимов не проснулся.

— Юрий Михалыч.

Трофимов засопел громче.

— Юрий Михалыч, БЛЯТЬ!

Профессор открыл один глаз, мутный, с красными прожилками. Второй глаз не открывался — катаракта, непрооперированная.

— Ты меня заебал, Глеб. Что там?

— Инфразвук.

— Какой инфразвук?

— Такой, который лучше бы остался в архивах.

Глеб поднёс планшет к носу профессора. Экран был треснутый — уронил вчера в баре. Но цифры были видны.

Трофимов надел очки. Старые, в роговой оправе, склеенные пластырем на переносице. Посмотрел. Потом снял очки. Протёр линзы о край свитера — свитер был с оленями, подарок внучки.

— Это шум, — сказал он спокойно. Но Глеб заметил, как дрогнула его рука. — Датчик гниёт.

— Не гниёт. Я проверял три недели назад. Нырял.

— Нырял? В ноябре? В Авачинском заливе? Ты совсем больной?

— Контакты сухие. Батарея новая.

Профессор помолчал. Долго. Потом кряхтя, как старый паркет, встал с раскладушки. Надел штаны. Натянул свитер с оленями. Посмотрел в окно.

Там спал Петропавловск-Камчатский.

Сто двадцать тысяч человек. Военные бухты, базы флота и ракеты, о которых гражданским лучше было не думать. Восемь действующих вулканов, дымящихся в утреннем небе как гигантские заводские трубы.

— Глеб, — сказал профессор, не оборачиваясь. — Сколько у нас времени?

— По модели — от двадцати четырёх до семидесяти двух часов. Я бы смотрел на двадцать четыре.

— Модель на старом японском гранте?

— На нём.

— Японцы любят точность.

— Любят.

Трофимов потянулся к телефону. Старому, дисковому, который висел на стене рядом с календарём за 2006 год.

— Набирай МЧС. И военных. Пусть хоть кто-нибудь проснётся.

Пока Глеб тянулся к телефону, Трофимов уже вставлял флешку в старый системник. На ней лежал архив: сырые логи, калибровки, модель. Если они не выживут, должны выжить хотя бы данные.

Глава 2. Три дня назад

Три дня назад Трофимов уже видел этот хвост.

Не такой чистый, не такой наглый, не такой уверенный в себе. Тогда он выглядел как помеха — тонкая, почти стыдливая дрожь внизу спектра, где нормальные люди не ищут смысла. На графике она тянулась серой ниткой, как трещина на старой чашке.

Профессор сидел один в кабинете №47, пил растворимый кофе из кружки с облезшей надписью и слушал, как за стеной ругаются аспиранты. Девочка в приёмной плакала из-за курсовой, кто-то искал зарядку, кто-то смеялся слишком громко. Жизнь шла так убедительно, что катастрофа казалась неприличной.

Он открыл архив. Потом закрыл. Потом снова открыл.

Пик был в диапазоне, который он ненавидел. 0,0028. 0,0031. Никакого нормального объяснения. Ни шторма, ни ледового поля, ни военной гидроакустики. Только низкое, почти геологическое дыхание.

Трофимов снял очки и потёр переносицу. В семидесятые он видел людей, которые погибали не от взрывов, а от уверенности начальства. «Не подтверждено». «Нет оснований». «Не создавать паники». Эти слова звучали аккуратно, как канцелярские папки, и пахли мёртвыми.

Он набрал номер дежурного в управлении МЧС.

— Трофимов, Институт вулканологии. У нас странный низкочастотный сигнал по Авачинскому заливу. Нужно под-
нять проверку.

— Юрий Михалыч, у вас каждый ноябрь странный сигнал. То киты, то японцы, то датчик замёрз.

— Это не киты.

— Подтверждение есть?

Профессор посмотрел на экран.

Подтверждения не было. Была только старая, проклятая интуиция, которой в отчёты не ставят печать.

— Пока нет, — сказал он.

— Тогда оформляйте служебку. В понедельник посмотрим.

В понедельник. Это слово показалось ему смешным. И страшным.

Он положил трубку, открыл пустой документ и написал: «Вероятность крупного сейсмовулканического события в районе Авачинского залива повышена». Потом стёр. Написал короче: «Проверить датчики». Потом снова стёр.

Вечером позвонили из закрытого номера.

— Юрий Михайлович? Вас беспокоит управление специальных программ.

Голос был молодой, сухой, без акцента. Такие голоса не спрашивают — они кладут бумагу на стол.

— Вы направляли запрос по низкочастотным колебаниям?

— Направлял.

— Просим до отдельного распоряжения не распространять неподтверждённые сведения. И не подключать гражданские каналы. Идёт плановая проверка гидроакустического оборудования.

— Какого оборудования?

— Плановая проверка.

Трофимов усмехнулся.

— Молодой человек, я всю жизнь слушаю камни. Камни так не проверяют оборудование.

На том конце помолчали.

— Это рекомендация.

— Угроза?

— Забота о вашей репутации.

Связь оборвалась.

Профессор долго смотрел на трубку. Потом открыл сейф, достал старую флешку, подписанную чёрным маркером: «КРАКАТАУ / БАРОГРАММЫ / НЕ ТРОГАТЬ». Скопировал туда сырые данные. Два раза. Одну копию положил в карман свитера с оленями, вторую спрятал за системным блоком, туда, куда уборщица никогда не заглядывала.

В три ночи он вышел на улицу покурить. Не курил двадцать лет. Просто держал сигарету в пальцах и смотрел на сопки.

Петропавловск спал. Окна горели редкими жёлтыми точками. Где-то лаяла собака. Где-то пьяный мужчина пел про

любовь. Город был живой, беззащитный, упрямый.
— Простите, — сказал Трофимов.
Он ещё не знал, кому.

Глава 3. Петрович.

Данные со спутников

В двадцати километрах к югу генерал-майор Костенко смотрел на такой же экран.

Но экран у Петровича был военный. И данные на нём были страшнее.

Данные закрытой спутниковой группировки «Орбита-7» шли по каналу, которого не существовало в открытых перечнях. Петрович имел к нему доступ только потому, что много лет назад сам подписывал бумаги на этот проект — ещё в те времена, когда верил, что секретность спасает людей, а не хоронит их.

Сейчас он числился в одном из закрытых управлений флота. Что означало — он сидел в бункере, пил растворимый кофе из алюминиевой кружки и смотрел, как земля под Камчаткой сдвигается на сантиметр в час.

Вошёл капитан второго ранга Смирнов. Аккуратный, выбритый, от него пахло хозяйственным мылом.

— Товарищ генерал-майор, доклад: МЧС оповещено, гражданская эвакуация не объявлена. Приказ министра обороны: сохранять режим секретности до выяснения обстоятельств.

Петрович не обернулся.

— До выяснения обстоятельств. Капитан, у нас через двадцать четыре часа цунами. Восемьдесят метров.

— Гражданские учёные могли ошибаться.

— Могли. А если не ошиблись? Тогда через двадцать четыре часа Петропавловска не будет.

Смирнов промолчал. У капитана в Петропавловске жила мать.

— Найдите мне вулканолога Соболева, — сказал Петрович. — Живым.

— Слушаюсь.

Смирнов вышел. Петрович остался один. Подошёл к карте. Карта была старая, бумажная, с карандашными пометками, которые он делал ещё лейтенантом.

Нажал кнопку на пульте. Экран засветился. Фотография дочери — Кати. И внучки — Алисы.

— Держитесь, — тихо сказал генерал.

Глава 4. Приказ

Петрович ненавидел электронные подписи.

В советском флоте приказ был вещью материальной: бумага, чернила, рука, которая дрожит или не дрожит. Сейчас приказ появлялся на экране, и чтобы закрыть аэропорт, хватало одного касания. Слишком легко. Слишком чисто.

На мониторе висел проект распоряжения: «О временном ограничении гражданских полётов в районе Петропавловска-Камчатского в связи с проведением специальных мероприятий». Ни слова о скважине. Ни слова о волне. Ни слова о людях, которые уже покупали кофе в аэропорту, держали детей за руки и ругались на задержку рейса.

— Товарищ генерал-майор, нужна ваша виза, — сказал Смирнов.

Петрович не ответил.

Смирнов стоял у двери, ровный, как линейка. Но пальцы у него выдавали всё: он тёр большой палец о ноготь указательного, пока кожа не побелела.

— Мать дозвонилась? — спросил Петрович.

Капитан сглотнул.

— Нет. Сети лежат. Я отправил соседа.

— Сосед не вывезет её из города.

— Знаю.

Они помолчали. В бункере гудела вентиляция. Где-то за

стеной смеялись связисты — коротко, нервно, потому что люди смеются даже под землёй, если иначе сойдут с ума.

— Если я не подпишу, — сказал Петрович, — приказ уйдёт через начальника Генштаба. Если подпишу — аэропорт закроют на двадцать минут раньше.

— За двадцать минут можно поднять два борта.

— Можно.

— Тогда зачем?

Петрович посмотрел на него.

— Потому что на полосе будут военные борта. Потому что вывозят аппаратуру, архивы, тех, кого считают нужными. Потому что государство всегда сначала спасает государство. А уже потом тех, ради кого оно якобы существует.

Смирнов опустил глаза.

— Моя мать не государство.

— Моя дочь тоже.

Телефон на столе дрогнул. Сообщение от Кати: «Пап, ты что-то знаешь? Глеб не отвечает. Алиса в лагере. Мне страшно».

Петрович прочитал. Закрыв глаза.

Он мог позвонить ей и сказать правду: беги. Он мог приказать дать ей машину. Мог поднять вертолёт. Мог спасти свою кровь.

А остальные?

Сто двадцать тысяч человек не помещались в один вертолёт. И именно поэтому начальство любило слово «невозмож-

но». Оно снимало вину. Делало убийство стихийным бедствием.

Петрович открыл канал связи с дежурным флотской базы.

— Сколько у нас плавсредств в готовности?

— Два корвета, один буксир, три сейнера под мобилизацию. Но распоряжения на гражданских нет.

— Будет моё.

— У вас нет полномочий.

— Записывайте: принять на борт детей, стариков, раненых. По возможности. Без докладов наверх.

— Товарищ генерал-майор...

— Это приказ старого дурака, который потом уже не сможет объясниться.

Он отключился.

Потом подписал документ о закрытии аэропорта.

Электронная галочка вспыхнула зелёным.

Так тихо выглядит предательство.

Петрович взял телефон и набрал Катю.

— Улетай, — сказал он, когда она ответила. — Любым рейсом. Не спорь.

— Папа, что происходит?

— Катя, слушай меня. Возьми документы. Наличку. Тёплые вещи. И не жди Глеба.

— А Алиса?

Петрович посмотрел на карту, где маленькая точка полигона «Вулкан» мигала красным.

— Глеб идёт за ней.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что если он не пойдёт, я его найду и убью.

Катя не рассмеялась.

— Папа.

— Я люблю тебя, — сказал Петрович.

— Не говори так.

— Тогда делай как я сказал.

Он отключился первым. И впервые за много лет почувствовал себя не генералом, а стариком, который умеет отдавать приказы всем, кроме судьбы.

Глава 5. Скважина «Меркурий-1». Причина

За 72 часа до нулевой волны.

Скважина «Меркурий-1» находилась в тридцати километрах от берега Кроноцкого залива — прямо над зоной субдукции. По открытым справочникам её не существовало: официально самой глубокой в России оставалась Кольская. Неофициально «Меркурий-1» ушла на 12 847 метров. Секретная. Дорогая. И, как выяснилось, смертельно нужная тем, кто хотел слышать плиту раньше всех.

— Температура на забое — 320, — доложил инженер Круглов. — Давление — 1800 атмосфер. Буровой раствор уходит в пласт.

— Сколько? — спросил начальник смены Верещагин.

— Пять кубов в час. Может, больше.

Верещагин закурил. Курить в буровой было запрещено — но здесь запреты были формальностью.

— Когда началось?

— Четыре часа назад. Сначала поднялось давление — сбросили через превентор. Не помогло. Потом температура пошла вверх. Растёт на градус в час.

Верещагин вынул сигарету. Затушил о подошву.

— Это не пласт. Это магма.

Круглов побледнел. Он знал, что значит «магма» в контексте скважины. Перемычки не выдержат. Через несколько часов скважина станет вулканом.

— Что делать?

— Заливать цемент. И звонить в Москву.

Он не договорил.

Датчик давления взвизгнул — и лопнул. Стрелка упёрлась в максимум. Из-под пола вырвался пар — белый, обжигающий, с запахом серы.

— Все наверх!

Верещагин успел вытолкнуть Круглова на лестницу. Сам — нет.

Поток газа ударил в него. Он умер мгновенно. Даже не закричал. Осталась только тень на бетонной стене.

Круглов вылетел на поверхность через три минуты. За ним — столб чёрного дыма. Потом — грязь, камни, пепел.

Скважина «Меркурий-1» перестала существовать. Вместо неё на карте появилась точка разлома. Там, где Тихоокеанская плита была зажата и ждала толчка. Подводный склон, веками державшийся на честном слове трения, впервые пополз вниз.

Счёт пошёл.

Не к одному взрыву. К цепочке: скважина, разлом, склон, море. У катастрофы редко бывает одна причина. У неё бывает первый щелчок.

Глава 6. Бар «Рыбацкий сход»

За шесть часов до пробуждения в кабинете №47.

Бар вонял жареной мойвой, дешёвым табаком и потом. Пол был липким — пиво не вытирали, прибивали подошвой. На стене над стойкой висело чучело нерпы с подбитым глазом. Над нерпой — флаг России, ржавый гвоздь, плакат «За нами — Москва!».

Глеб сидел в углу, где свет не доставал. Левый локоть прилипал к столешнице. Водка была тёплой. Рядом на подоконнике лежал планшет с мигающим датчиком. 0,003 Гц.

За соседним столиком сидели трое. Бритые, в чёрных куртках, с одинаковыми наколками на пальцах.

— Соболев? — спросил тот, что был пошире. — Хозяин зовёт.

— Передайте Хозяину, что я занят. Изучаю камни.

Охранник схватил его за плечо. Пальцы были липкими.

Глеб не стал ждать.

Он ударил головой об стол. Лопнувшая бровь залила глаза кровью. Второго ударил локтем в горло — хрустнула трахея. Третий выхватил нож.

Глеб увидел лезвие — и на секунду снова оказался в том подвале, где правильное решение заняло девять секунд. Хватило.

Он перехватил руку, вывернул. Нож вошёл в бедро охран-

нику. Кровь брызнула — алая, горячая.

Третий ударил его бутылкой по голове.

Мир разлетелся. Глеб упал на пол. Лбом в липкую жижу из пива, крови и чьей-то блевотины.

— В следующий раз убьём, — сказал охранник, наступая ему на руку. Хрустнули пальцы.

Ушли.

Бармен помог ему встать. Коля, бывший подводник с больной печенью и добрым сердцем. Подал чистое полотенце и стакан воды.

— Вы бы, мужик, уехали, — сказал Коля. — Пока не поздно.

— Я уеду. Но сначала дела.

Глеб достал из кармана три смятые тысячные купюры, бросил на стойку. Вышел на улицу.

Ночь была звёздной. Небо над Камчаткой такое, что можно разглядеть каждую звезду — до того, как начнётся извержение. Пахло снегом, морем и чем-то металлическим, как перед грозой.

— Хозяин, сука, — сказал Глеб в темноту. — Сейчас мы с тобой разберёмся. Только дочь спасу.

Он не знал как. «КамАЗ» с полным баком. Три банки тушёнки. Монтировка. И собака в кабине.

Звездочёт — белый кобель лайки с рыжими подпалинами — высунул язык и чихнул.

— Да, — сказал Глеб. — Поехали.

Глава 7. Старик из штольни

На выезде из города Глеб остановился у старой заправки.

Не потому что хотел. «КамАЗ» сам начал кашлять, как курильщик после морозной пробежки. Топливный фильтр забило грязью. Глеб матерился, стоя по колено в снегу, и ковырял ключом гайку, которая не поддавалась.

Звездочёт сидел рядом и смотрел так, будто всё понимал.

— Не начинай, — сказал Глеб. — Я и без тебя знаю, что поздно.

На стекле заправки висел выцветший плакат: «Экскурсии на старые штольни. Проводник М. Коршунов». Внизу — номер телефона, половина цифр стерлась. На фотографии рядом стоял низкий старик в телогрейке. Лицо — печёное яблоко. Глаза — как у людей, которые не столько смотрят, сколько помнят.

Глеб усмехнулся.

— Живой ещё, дед?

Мишу Коршунова он знал с тех самых японских грантов. Тогда Глеб был моложе, злее и думал, что всё можно измерить, если поставить достаточно датчиков. Миша водил их по заброшенным выработкам, ругался на карты и говорил: «Карта — это когда человек врёт земле. Земля всё равно потом поправит».

Однажды они спускались в штольню после дождя. Мо-

лодой аспирант полез вперёд, не проверив крепь. Потолок щёлкнул. Все замерли. Миша спокойно снял рукавицу, поднял ладонь и сказал:

— Слышите?

Никто ничего не слышал.

— Вот потому и жить будете недолго, — сказал старик и вывел их другим ходом.

Через пять минут тот штрек сложился, как пустая коробка.

Глеб тогда спросил:

— Как ты понял?

— Нюра сказала.

— Кто?

— Жена.

— Она с тобой была?

Миша посмотрел на него так, будто Глеб спросил, мокрая ли вода.

— Она там двадцать лет лежит.

Больше он ничего не объяснил.

С тех пор Глеб не смеялся над стариком. На Камчатке живые часто знают меньше мёртвых.

Фильтр наконец сорвался. Глеб выматерился, продул трубку, затянул обратно. Пальцы уже ныли после драки, и каждая гайка будто специально попадала под сломанные кости. Небо на востоке было слишком светлым для ночи.

Он сел в кабину. Завёл двигатель. «КамАЗ» вздрогнул и

Ожил.

Перед тем как тронуться, Глеб ещё раз посмотрел на плакат.

Если дорогу срежет, останутся штольни.

Если штольни ещё стоят.

Если Миша жив.

Три «если» — слишком много для нормального плана. Но нормальные планы кончились ещё вчера.

— Поехали, — сказал он Звездочёту.

Пёс чихнул, будто подтвердил приказ.

АКТ I. ПРЕДВКУСИЕ

(Часы —48 до —24)

Глава 8. Накануне. То, что дети помнят

Днём лагерь «Вулкан» казался почти обычным.

Почти — потому что обычные лагеря не строят у старых геологических полигонов, не красят трубы термально-го отопления в красный цвет и не вешают над столовой табличку: «При запахе серы немедленно сообщить вахтёру». Но для детей всё это было частью игры. Взрослые называли её безопасностью, дети — скукой.

Алиса сидела на ступеньках корпуса №3 и точила карандаш ножом, который ей категорически запрещали носить. Нож был маленький, складной, с облезлой рукояткой. Папа подарил его не ей, а «на всякий случай». Мама сказала: «Глеб, ты идиот». Папа сказал: «Зато у нашего ребёнка будет чем открыть консерву, если мир закончится». Тогда Алиса смеялась. Сейчас уже нет. Она давно заметила: взрослые иногда шутят теми словами, которых сами боятся.

Женька лежала рядом на животе и читала комикс, добытый у мальчишек из второго отряда за две пачки жвачки. Волосы у неё торчали во все стороны, как у испуганной белки. Она читала быстро, перескакивая через картинки, и всё равно делала вид, что понимает сюжет лучше всех.

— У тебя папа правда вулканы слушает? — спросила она,

не отрываясь от страницы.

— Не вулканы. Датчики.

— Какая разница?

— Большая.

— А он тебя слушает?

Алиса перестала точить карандаш.

Женька поняла, что сказала не то, но было поздно. Она прикусила губу и уткнулась в комикс так, будто там внезапно появилась самая важная страница в мире.

— Иногда, — сказала Алиса.

— Мой вообще не слушает. Он говорит: «Женя, не драматизируй». А потом сам драматизирует, когда у него носки разные.

Алиса улыбнулась.

На площадке между корпусами вожатая Оксана строила младших. Оксане было двадцать два, но она говорила голосом женщины, которая уже устала от жизни и от чужих шапок. Шапки она считала отдельно. Детей — отдельно. Получалось всегда по-разному.

— Соболева! — крикнула она. — Ты опять с ножом?

— Это точилка.

— У точилки нет лезвия, которым можно вскрыть взрослого.

— Если взрослый полезет в рюкзак без спроса, сам виноват.

Оксана попыталась сделать строгое лицо, но не выдержала

и отвернулась, чтобы скрыть улыбку.

В тот день взрослые ещё умели улыбаться.

После обеда их повели к смотровой площадке над термальным полем. Внизу дымили трещины, булькали грязевые котлы, пахло тухлыми яйцами и мокрым железом. Экскурсовод — худой геолог по фамилии Мартынов — объяснял, что земля здесь живая, но предсказуемая. Алиса сразу не поверила. Всё живое непредсказуемо. Даже хомяк у них дома умер не тогда, когда ветеринар сказал, а на два дня раньше, будто тоже хотел нарушить расписание.

— Видите гейзер «Великан»? — сказал Мартынов. — Он фонтанирует примерно каждые два часа. Режим стабильный.

— А если не стабильный? — спросила Алиса.

Мартынов посмотрел на неё внимательнее.

— Тогда мы записываем отклонения.

— А если отклонения записали, а взрослые сказали, что это ерунда?

— Тогда нужно записать ещё раз. И сохранить копию.

Алиса подумала, что этот Мартынов ей нравится. Он отвечал как папа, только без попытки выглядеть неуязвимым.

Вечером, когда младшие ушли на кружок «Безопасная Камчатка», Алиса и Женька остались в комнате. Женька достала из-под матраса шоколадку, которую прятала со дня приезда. Шоколадка побелела, сломалась на кривые плитки, но всё равно была праздником.

— Делим по-честному, — сказала Женька.

— По-честному — это мне больше, потому что я старше на три месяца.

— По-честному — это мне больше, потому что я нашла.

Они спорили десять минут и в итоге съели поровну, оставив один кусок «на случай конца света». Кусок завернули в фантик и спрятали в карман Алисы. Почему именно в её — никто не решил. Просто так получилось.

Потом Женька спросила:

— Ты правда считаешь дни, когда папы нет?

Алиса не ответила.

— Я бы тоже считала, — сказала Женька. — Только мой дома. От этого иногда хуже.

За окном «Великан» выстрелил белым столбом. Ровно по расписанию. Вода поднялась, рассыпалась паром, и несколько секунд весь склон был похож на открытку: красивый, чужой, безопасный.

Алиса достала блокнот и записала время.

— Зачем? — спросила Женька.

— Папа говорит: если хочешь, чтобы тебе поверили, записывай всё.

— А если всё равно не поверят?

Алиса пожала плечами.

— Тогда у тебя хотя бы будет доказательство, что ты не сошла с ума.

Женька задумалась. Потом отломилла последний кусочек шоколадки и сунула Алисе в руку.

— На случай, если взрослые закончатся.

— Взрослые не заканчиваются.

— Ещё как заканчиваются. Моя мама говорит: «Сейчас я закончусь». И иногда правда заканчивается.

Они засмеялись.

Через сутки Алиса вспомнит эту фразу в бетонном погребе, когда снаружи будет реветь поток, Женька будет лежать без сознания, а взрослые действительно закончатся.

Но пока они смеялись.

И это было последнее нормальное, что Алиса запомнила о мире до Нулевой волны.

Глава 9. Лагерь «Вулкан». Алиса

Алисе не спалось.

Она лежала на верхней койке в корпусе №3, светила фонариком в блокнот и рисовала папу. Нос был слишком длинный, глаза маленькие. Она не видела его восемь месяцев и двенадцать дней. Она считала.

Днём Алиса делала вид, что ей всё равно.

На линейке она стояла третьей слева, в синей куртке, которую мама купила «на вырост», и смотрела не на флаг, а на сопку за столовой. Сопка дымилась. Вожатая Оксана сказала, что это нормально, Камчатка всегда дышит. Алиса не стала спорить. Взрослые не любят, когда дети оказываются правы раньше них.

После завтрака их водили к старому керну — длинному цилиндру серой породы, вынутому из земли ещё при советской экспедиции. На нём были полосы: светлые, тёмные, рыжие. Руководитель кружка постучал по нему карандашом.

— Здесь записана история извержений.

Женька шепнула:

— Камень-дневник.

— Камень честнее людей, — сказала Алиса.

— Это твой папа так говорит?

— Он вообще мало говорит.

Женька посмотрела на неё осторожно. Они дружили тре-

тий день, но уже знали друг про друга больше, чем некоторые взрослые за годы. Женька боялась темноты, но всем говорила, что не боится ничего. Алиса боялась, что папа опять не придет, и никому не говорила.

После обеда пришёл Бамбук.

Так его звали не дети, а взрослые. Настоящее имя никто не знал или делал вид, что не знает. Он привёз на «Урале» ящики с крупой, солярку и два мешка апельсинов — роскошь по местным меркам. Оксана ругалась, что по накладной апельсинов не было.

— Значит, я их украл у зимы, — сказал Бамбук.

Дети засмеялись. Он не улыбнулся, но Алиса заметила, как у него дёрнулся уголок рта.

На запястье у него висели костяные чётки. Белые, гладкие, почти светящиеся.

— Это из чего? — спросила Женька.

— Из памяти, — сказал Бамбук.

— А нормально ответить?

— Из кости моржа. Дед вырезал. В Магадане. Когда думал, что уже не выйдет.

Оксана шикнула на него: при детях такие вещи не рассказывали. Бамбук пожал плечами. Он не умел выбирать безопасные слова.

Вечером, когда ветер поднял снег и загнал всех в корпус, Оксана рассказывала страшилки. Про медведя, который стучал в окно. Про геолога, который ушёл в пургу и вернулся

через год без тени. Про старого Мишу из штолен.

— Он правда там живёт? — спросила Женька.

— Никто не знает, — сказала Оксана. — Говорят, дом у него смыло лахаром, жена погибла, а он остался рядом с выработками. Водит людей, когда земля сердится.

— Земля не сердится, — сказала Алиса. — У земли нет эмоций.

Оксана улыбнулась.

— Сразу видно, чья дочь.

Алиса отвернулась. Ей хотелось, чтобы это прозвучало как похвала. А прозвучало как напоминание.

Перед сном она достала блокнот и нарисовала папу ещё раз. На этот раз глаза получились лучше. Не добрые — честные. Потом она подписала дату и добавила: «Если папа придет, покажу ему Великан. Если не придет, не покажу никогда».

Она очень старалась не плакать.

Поэтому, когда термальный фонтан замолчал, Алиса заметила это первой.

В корпусе спали двенадцать девочек. Кто-то всхлипывал во сне, кто-то скрипел зубами. Женька с нижней койки дышала ровно и спокойно — Женька вообще ничего не боялась.

Алиса отложила блокнот, подошла к окну.

Термальный фонтан «Великан» находился в трёхстах метрах от корпуса. Настоящие гейзеры были дальше, в заповед-

ной зоне, куда детей не возили; этот источник считался учебным, безопасным, почти домашним. Обычно он фонтанировал каждые два часа ровно — как часы. Сейчас он молчал. Из жерла поднималась чёрная жижа — густая, блестящая, как нефть. Она пузырилась и стекала по склону.

Алиса взяла телефон. Старый кнопочный, с диктофоном и треснувшей крышкой. Папа говорил: «Записывай всё». Она включила запись.

«Двадцать третье ноября, двадцать три часа сорок минут. Термальный фонтан „Великан“ изменил режим. Вместо воды — чёрная жижа. Я, Алиса Соболева, фиксирую аномалию».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.